

Сергею Безрукову — лицедею и человеку

Бывают объяснимые ситуации. Народу, например, нравится Александр Шилов, а искусствоведы уверяют, что он очень скверный художник. Народ зачитывается Пауло Коэльо и Александрой Марининой, а ни один рецензент не написал о них доброго слова. Народ в экстазе от Анастасии Волочковой, а балетные критики... Да что там говорить! Но Сергей Безруков — это совсем другой случай. Это подлинный феномен.

Марина Давыдова

Дело в том, что Безруков — хороший артист. Даже очень хороший. И критики, кажется, с этим не спорят. Они только уверяют, что хороший артист Безруков часто (в театре — очень часто) играет плохо. Парадокс, да и только.

Талантливый писатель прекрасно владеет словом (в чем те же Коэльо или Маринина пока замечены не были). Талантливый артист владеет самим собой. В отличие от обычного человека он умеет управлять своим телом, своим голосом, своими лицевыми мускулами и своими

эмоциями. Он может заплакать в нужный момент, станцевать гопака, говорить шепотом так, что будет слышно в последнем ряду тысячного зала. В хорошем артисте есть то, что по-английски называется выразительным словом *presence*. Попросту говоря, его сразу выделяешь из массовки. Он заставляет смотреть на себя и следить за своими перемещениями по сцене, даже если на ней находится при этом десяток других собратьев по цеху. Иными словами, хороший артист — это оснащенный артист. Так вот артист Безруков оснащен превосходно. Он обладает богатой актерской

палитрой, сценическим обаянием, сильной актерской энергетикой. И все это совершенно необходимо для драматической сцены, но этого, однако, совершенно для нее недостаточно.

Хорошо играть — значит создавать образ, используя по мере необходимости все вышеперечисленные умения. Именно — по мере, а не без меры. Евгений Миронов очень пластичен, и в комедии «Номер 13», например, он танцует самозабвенно, но в спектакле «Господа Головлевы», где Миронов представляет сладостного мастера умертвий Порфирия, его размашистые движения скупы и сдержанны. Он рисует Иудушку совсем не теми красками, какими рисует Бумбараша или Лопахина. Сергей Безруков вываливает на сцену все краски сразу. Всю палитру. Смотрите, завидуйте: я — лицедей!

Бывают однообразные артисты с очень скудным арсеналом

выразительных средств. Безруков однообразен в своем восхитительном разнообразии. Ему не интересен тот, кого он представляет на сцене. Ему интересен он сам — как совокупность неких умений. Он вообще давно уже не лепит характеры. Он играет состояния. То есть не Чичикова, который нервничает, а некую абстрактную взнервленность. Не Чичикова, который устал, а усталость вообще. Он прыгает, высоко задирая ноги (мало кто так умеет), очень естественно кряхтит, очень здорово семенит ногами, может покраснеть, как рак, и побелеть, как известковая стенка, но это решительно ничего не позволяет понять в характере его героя.

Русское слово «пошлость», как известно, очень сложно перевести на иностранный язык. Зато несложно объяснить, что такое театральная пошлость. Это самовыражение без самоограничения, самореализация

без самопознания. Это жуткий тренд времени, которому каждый приносит свои жертвы. И вот вдумчивый Миндаугас Карбаускис, встретившись с Безруковым, почтительно уступает дорогу его актерской вольнице, словно перед ним «птицатройка», а сам он — «другие народы и государства».

Прежде, чтобы из выдающегося артиста превратиться в памятник самому себе, нужны были десятилетия. Сергею Безрукову понадобились считанные годы. И трудно сказать, чем его Чичиков отличается от его же Феликса Круля. А тот — от поэта Есенина из сериала. А поэт из сериала «Есенин» — от поэта Пушкина из спектакля Театра им. Ермоловой. Разве что цветом волос.

Он уже не артист. Он бренд. Мертвая душа в живом, пластичном, выразительном актерском теле. Купить ее легко. Воскресить почти невозможно.